

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ РЕБЕНКА

© 2018 г. Н. В. Летова

Институт государства и права Российской академии наук, Москва

E-mail: letovanv@mail.ru

Поступила в редакцию 26.01.2018 г.

В настоящей статье автором рассматриваются вопросы, касающиеся защиты личных неимущественных прав ребенка, возникающие при разрешении отдельных категорий дел с его участием, в частности по делам об усыновлении ребенка, об установлении его происхождения и др.

Автором предлагаются пути решения проблемы определения статуса ребенка по делам названных категорий, предлагаются критерии оценки содержания решения суда, принятого в отношении ребенка с позиции его интересов и индивидуальных потребностей, а также проанализированы последние тенденции судебной практики по делам с участием детей.

Ключевые слова: защита, ребенок, личные неимущественные права, усыновление, происхождение ребенка.

DOI: 10.31857/S013207690002180-0

Действующее законодательство Российской Федерации позволяет прийти к выводу о повышенном внимании государства к детям как особой категории населения нашей страны, защита прав и интересов которой должна быть приоритетной и для государства, и для органов, на которые возложена такая защита по закону. Особенности правового положения ребенка в гражданском процессе при рассмотрении разных дел с его участием также требуют своего теоретического осмысления, что способствовало бы формированию единообразных подходов при их разрешении на практике. Решение такой задачи, на наш взгляд, требует комплексного подхода. С одной стороны, необходим мониторинг всего законодательства Российской Федерации в сфере защиты детства¹, с другой — следует создать условия для эффективного функционирования всей системы судопроизводства в отношении ребенка, гарантирующей уважение его прав и интересов с учетом его возраста,

зрелости, индивидуальных особенностей, степени понимания им обстоятельств дела с участием ребенка и др. Кроме того, при характеристике правового положения ребенка необходимо учитывать общее назначение прав и свобод человека, выражающееся в том, что все права человека универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны. Международное сообщество должно относиться к правам человека на справедливой и равной основе, с одинаковым подходом и вниманием.

Следует отметить, что государством не только предусмотрены законодательные гарантии, обеспечивающие защиту прав ребенка, но и названы лица, на которых возложены функции по оказанию содействия ребенку в реализации и защите его прав и законных интересов. В частности, именно родители ребенка или (или лица, их заменяющие) содействуют ему в осуществлении самостоятельных действий, направленных на реализацию и защиту его прав и законных интересов с учетом возраста ребенка и в пределах установленного законодательством Российской Федерации объема его дееспособности (ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 24 июля 1998 г.

¹ На такую проблему обращено внимание в Указе Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 “О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы”, разд. 3. С. 6 // СЗ РФ. 2012. № 23, ст. 2994.

№ 124-ФЗ)². Кроме того, законодатель не только гарантирует ребенку его право на судебную защиту, но и обеспечивает реализацию этого права с учетом его правового статуса. Так, например, за защитой своих прав *дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей* (выделено мною. — Н.Л.), а равно их законные представители, опекуны (попечители), органы опеки и попечительства и прокурор вправе обратиться в установленном порядке в соответствующие суды Российской Федерации³, сохраняя право на бесплатную юридическую помощь.

Выявление и определение особенностей правового положения ребенка при рассмотрении некоторых гражданских дел не представляется возможным без понимания общей сущности статуса ребенка, в содержании которого могла быть отражена система разнообразных межотраслевых связей с его участием. Известно, что термин “статус” происходит от латинского *status* и означает состояние, положение субъекта права, его правовое состояние, характеризующее комплекс (системой) юридических прав и обязанностей.

В юридической литературе достаточно исследований, посвященных правовому положению ребенка в разных отраслях (гражданское, семейное, теория права), однако нередко происходит отождествление таких понятий, как “правовой статус”, “правовое положение” и “правосубъектность”, что в целом может быть объяснено выбранным аспектом исследования тем или иным автором⁴. Отсут-

ствие единого определения понятия статуса ребенка, безусловно, сказывается и на правоприменении. Так, в одном из решений Верховного Суда РФ сделан вывод о том, что к членам семьи вынужденного переселенца относятся не только несовершеннолетние дети, но и несовершеннолетние дети, не имеющие статуса вынужденного переселенца⁵. Очевидно, что в таких решениях системно обеспечивается защита прав и интересов ребенка в приоритетном порядке, которая осуществляется вне зависимости от наличия указанного статуса у ребенка.

Однако в подавляющем большинстве случаев именно правовой статус ребенка оказывает непосредственное влияние на рассмотрение дел с его участием в гражданском процессе, обуславливает специфику процессуальных норм, определяет состав лиц, участвующих в деле, в некоторых случаях, момент вступления в силу решения суда в пользу несовершеннолетнего. Так, обзор судебной практики показал, что усыновление (удочерение) ребенка остается наиболее востребованной и приоритетной формой устройства ребенка⁶, оставшегося без попечения родителей, среди граждан Российской Федерации, что в полной мере способствует реализации ст. 124 Семейного кодекса РФ⁷. Так, число таких дел в 2014 г., рассмотренных с вынесением решения, составило 14 720 (с удовлетворением заявления — 14 587 дел), что на 1,2% больше, чем в 2013 г., когда было рассмотрено 14 544 дела (с удовлетворением заявления — 14 419 дел), и на 2,4% больше, чем в 2012 г. (с вынесением решения рассмотрено 14 380 дел, из них с удовлетворением заявления — 14 258 дел)⁸.

В 2014 г. судами неукоснительно соблюдались требования ст. 273 ГПК РФ, согласно

² См.: Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (в ред. от 28.12.2016 г.) “Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации”, ст. 6. // СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3802.

³ См.: Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ (в ред. от 01.05.2017 г.) “О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей”, ст. 10 // СЗ РФ. 1996. № 52, ст. 5880.

⁴ См.: Савельева Н.М. Правовое положение ребенка в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты. Самара, 2006. С. 4; Федорова О.А. Охрана жилищных прав детей, оставшихся без попечения родителей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 10; Беспалов Ю.Ф. Защита прав несовершеннолетних // Росс. юстиция. 1997. № 1. С. 32–34; Его же. Осуществление семейных прав через представителя // Нотариус. 2005. № 3; 5; Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов. 1980; Якимов А.Ю. Статус субъекта права (Теоретические вопросы) // Государство и право. 2003. № 4. С. 6; Бахрах Д.Н. Субъекты советского административного права. Свердловск, 1985. С. 5, 6; Нерсисянц В.С. Общая теория права

и государства. М., 1999. С. 512; Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб., 1997. С. 558; Голышева Л.Ю. Правовое положение детей в России (Исторический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 4, 178; Семейное право: учеб. / под ред. Ю.Ф. Беспалова, О.А. Егоровой, О.Ю. Ильиной. 2-е изд. М., 2015; и др.

⁵ См.: Решение Верховного Суда РФ от 1 июля 2014 г. № АКПИ14-510 // СПС “КонсультантПлюс”.

⁶ См.: Глава 29 Гражданского процессуального кодекса РФ от 14 ноября 2002 г. № 138 (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.01.2017 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

⁷ См.: Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. № 223 (в ред. от 01.05.2017 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16.

⁸ См.: Обзор судебных дел об усыновлении за 2014 год // СПС “КонсультантПлюс”.

которым дела об усыновлении ребенка должны рассматриваться с обязательным участием усыновителей (усыновителя), представителя органа опеки и попечительства, прокурора, а также ребенка, достигшего возраста 14 лет. Верховный Суд РФ неоднократно ориентировал суды на то, что в целях рассмотрения дел об усыновлении максимально с учетом интересов ребенка, а также исходя из положений ст. 12 Конвенции о правах ребенка и ст. 57 СК РФ, следует выяснять мнение ребенка по вопросу его усыновления непосредственно в судебном заседании во всех случаях, когда ребенок достиг достаточной степени развития и способен в силу этого сформулировать свои собственные взгляды. Вопрос о том, какую степень важности следует придавать мнению ребенка, решается по усмотрению суда первой инстанции. Следует согласиться со сложившимся подходом в международной практике судов, когда мнение ребенка имеет наибольшее значение при равенстве всех остальных факторов, когда иные доказательства “находятся в состоянии равновесия”⁹.

Обобщение судебной практики в России показало, что данное разъяснение Верховного Суда РФ учитывается судами. Вопрос о возможности выяснения мнения ребенка непосредственно в судебном заседании в каждом конкретном случае решался судами с учетом возраста ребенка, его психологических особенностей, а также других обстоятельств. Иными словами, в каждом конкретном случае учитывался правовой статус ребенка, его индивидуальные особенности, оказывающие непосредственное влияние на рассмотрение дела с его участием, а значит, в рамках судебного решения учитывались интересы конкретного ребенка.

В целях наиболее эффективного обеспечения интересов последнего в судебном заседании в обязательном порядке с учетом их возраста и степени развития задавались разные вопросы: условия их жизни; наличие любимых занятий; знают ли они о существовании несовершеннолетних братьев и сестер (если таковые имелись); помнят ли они своих родственников; навещали ли их родственники в детском учреждении; есть ли у них друзья и хотят ли они общаться друг с другом впоследствии; как они относятся к заявителям; поче-

му им понравились усыновители; как они относятся к тому, чтобы усыновители стали их родителями; есть ли у них какие-то страхи, сомнения по этому поводу; хотят ли они уехать с ними и жить в их семье и понимают ли они, что им придется уехать из России и жить вдали от друзей и близких; другие вопросы.

В судебной практике имели место случаи, когда усыновляемый ребенок и его братья или сестры воспитывались в одном детском учреждении и знали друг друга либо воспитывались в разных учреждениях, но ранее общались друг с другом. В этих случаях суды наиболее тщательно исследовали вопросы о том, сохранены ли родственные связи между детьми, не приведет ли разлучение детей к психологической травме, будет ли отвечать усыновление интересам детей. Обобщение судебной практики показало, что решение об усыновлении ребенка отдельно от братьев и сестер носило *исключительный характер* (выделено мною. — Н.Л.) и принималось судами только в том случае, если это отвечало интересам детей. При этом судами учитывались конкретные обстоятельства каждого дела.

Порядок рассмотрения дел об усыновлении свидетельствует о том, что в зависимости от возраста ребенка, его развития интересы у него меняются. При осуществлении защиты прав несовершеннолетних в соответствии с их интересами важно определить главный интерес, который может и не соответствовать истинному желанию ребенка. По нашему мнению, в данном случае необходимо учитывать два критерия: объективный — совпадение интересов несовершеннолетнего с интересами усыновителей и субъективный — насколько усыновление отвечает интересам усыновляемого ребенка с учетом его индивидуальных качеств (наклонности, привязанности, симпатии и т.д.). Можно предположить, что если в решении суда об усыновлении ребенка находят свое воплощение и объективные, и субъективные критерии усыновленного ребенка, то это не только отвечает его интересам, но и является в определенном смысле формой защиты его прав и интересов.

Следует отметить, что активное использование в судебном процессе данных о детях, условиях их жизни и воспитания, полученных судом в установленном законом порядке, безусловно, свидетельствует о признании государством ключевой роли семьи для выжива-

⁹ См.: Burnham W. Introduction to the law and legal system of the United States. 3d ed. 2006. P. 828.

ния ребенка, приоритетной защиты его прав и интересов. Вместе с тем, такой порядок рассмотрения дел в полной мере отвечает положениям Конвенции о правах ребенка¹⁰, согласно которой во всех действиях в отношении детей государство уделяет первоначальное внимание “наилучшим интересам ребенка” (ст. 3). Реализация названного принципа на практике означает, что при рассмотрении судами дел с участием ребенка, когда возникает конфликт интересов, интересам ребенка должно быть уделено первоочередное внимание. Принятые судебные решения об усыновлении ребенка должны отвечать наилучшим интересам ребенка и учитывать такие факторы, как сохранение семейных связей и гражданства (ст. 8), пожелания самого ребенка с учетом его возраста и зрелости (ст. 12), а также сохранение преемственности в вопросах языка и культуры (ст. 20).

Несмотря на то что положения Конвенции о правах ребенка не были инкорпорированы в полном объеме во внутреннее законодательство Российской Федерации, тем не менее, вопрос об их применении не подлежит обсуждению. При возникновении противоречий конвенционных норм с нормами национального права правоприменителем отдается предпочтение первым. Права, закрепленные в Конвенции о правах ребенка, охватывают практически все стороны жизни ребенка. Среди них можно выделить фундаментальные права, которые можно рассматривать как основу всей Конвенции, условно поделив их на три группы. Первая группа — “обеспечение” — права, направленные на удовлетворение основных потребностей ребенка (например, право на отдых и досуг, право на образование). Вторая — “защита” — права, гарантирующие защиту от вредного воздействия на ребенка со стороны общества, семьи (например, защита от жестокого обращения, от сексуальной эксплуатации). Третья — “участие” — права ребенка, направленные на самостоятельные действия и участие в общественной жизни (например, право на свободное выражение своих взглядов по всем вопросам, затрагивающим ребенка, его жизнь). В терминологии европейского права эти права, соответственно, обозначаются как *provision*

(обеспечение), *protection* (защита), *participation* (участие).

В самом общем виде практическое воплощение таких прав с учетом реализации принципа “наилучших интересов ребенка” выражается в двух аспектах: в политике правительства и в решениях, принимаемых в отношении ребенка на индивидуальной основе. В сложившейся мировой судебной практике при вынесении решения “в интересах ребенка” обычно учитывают такие факторы, как доказательства способности каждого из родителей лично заботиться о ребенке; характер взаимоотношений ребенка с каждым из спорящих родителей на основании данных об их поведении в прошлом; желание каждого из родителей осуществлять опеку над ребенком; сохранение сложившихся условий жизни ребенка (место жительства, школа, друзья); пожелания самого ребенка¹¹.

По нашему мнению, именно особенность дел с участием ребенка обуславливает не только специфику их рассмотрения, включая тщательную оценку всех обстоятельств дела, их изучения с учетом обеспечения интересов усыновляемого ребенка, но и позволяет определить особенности правового статуса ребенка, в отношении которого рассматривается дело. Иными словами, решение суда об усыновлении ребенка направлено на изменение статуса ребенка, который “трансформируется” из статуса “оставшегося без попечения родителей” в “усыновленного”, что является одним из самостоятельных оснований, направленных на прекращение учета сведений о ребенке, оставшемся без попечения родителей, в государственном банке данных о детях¹².

Потребность в точном определении правового статуса не только самого ребенка, но и лиц, выполняющих функции законных представителей в отношении несовершеннолетнего, подтверждалась не только на теоретическом уровне, но и на практике. Так, например, известно, что законом установлен раз-

¹¹ Для примера: в некоторых штатах Америки (Северная Дакота) суд пришел к выводу, что предпочтения в пользу одного из родителей, который “в основном заботился” о детях, является не презумпцией, а лишь одним из факторов, который необходимо принять во внимание. Безусловно, такой вывод заслуживает поддержки (см.: там же. С. 826).

¹² См.: Федеральный закон от 16 апреля 2001 г. № 44-ФЗ (в ред. от 08.03.2015 г.) “О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей” // СЗ РФ. 2001. № 17, ст. 1643.

¹⁰ См.: Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.): сб. международных договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.

личный правовой статус приемных родителей и опекунов. Соответственно, такие отличия должны проявляться в случаях применения норм, направленных на оказание государственной поддержки усыновителей, опекунов или приемных родителей. Например, согласно ст. 153 СК РФ приемные родители по отношению к принятому на воспитание ребенку (или детям) осуществляют права и исполняют обязанности опекуна или попечителя, несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на них обязанностей в порядке и на условиях, предусмотренных федеральным законом и договором. Приемная семья является одной из форм опеки, права и обязанности опекунов и приемных родителей по отношению к детям в основном схожи. Однако из этого не следует, что они имеют одинаковый статус и пользуются в равной степени всеми видами государственной поддержки¹³.

В других случаях при регулировании отраслевых правоотношений, в частности трудовых, законодатель достаточно широко определяет круг лиц с семейными обязанностями. В частности к ним могут быть отнесены: работник, имеющий обязанности по воспитанию и развитию ребенка в соответствии с семейным и иным законодательством (родитель, усыновитель, лицо, наделенное правами и обязанностями опекуна или попечителя); другой родственник ребенка, фактически осуществляющий уход за ним, в случаях, прямо предусмотренных законом (ч. 2 ст. 256 ТК РФ); работник, имеющий обязанности в отношении других членов своей семьи, нуждающихся в установленных случаях в уходе или помощи (п. 2)¹⁴.

К числу отдельной категории дел, в содержании которой наглядно проявляются особенности правового статуса ребенка, относятся дела об установлении его происхождения. Отдельного внимания заслуживают положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхожде-

ния детей"¹⁵, посвященные разъяснениям сведений, касающихся вопроса о порядке изменения фамилии, отчества ребенка в связи с установлением его происхождения, которые должны быть отражены в резолютивной части решения суда.

Следует отметить, что решение суда об установлении отцовства или об установлении факта признания отцовства, вступившее в законную силу, является основанием для государственной регистрации установления отцовства (ст. 48 Федерального закона от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ "Об актах гражданского состояния"). Сведения об отце ребенка вносятся в запись акта об установлении отцовства в соответствии с данными, указанными в решении суда об установлении отцовства или об установлении факта признания отцовства (п. 3 ст. 54 указанного Федерального закона). На основании записи акта об установлении отцовства сведения об отце ребенка вносятся также в запись акта о рождении ребенка (п. 1 ст. 57 того же Федерального закона, а также п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16).

С учетом названных норм в случае удовлетворения требования об установлении отцовства либо об установлении факта признания отцовства или факта отцовства, об оспаривании записи об отце ребенка в записи акта о рождении ребенка в резолютивной части решения суда должны содержаться сведения, необходимые для регистрации установления отцовства в органе записи актов гражданского состояния и (или) внесения в запись акта гражданского состояния соответствующих изменений. В этих целях судам следует исходить из положений ст. 55 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ, определяющей перечень сведений, подлежащих указанию в записи акта об установлении отцовства.

Ввиду того, что к числу сведений, вносимых на основании ст. 55 вышеуказанного Федерального закона в запись акта об установлении отцовства, вносятся также сведения о фамилии, имени, отчестве ребенка до установления отцовства и после установления отцовства. Суду следует обсудить со сторонами вопрос о фамилии и (или) отчестве ребенка после установления отцовства, если они не совпадают с фамилией и (или) именем лица, отцовство которого установлено (п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16).

¹³ См.: Решение Верховного Суда РФ от 13 января 2009 г. № ГКПИ 08-2132 // СПС "КонсультантПлюс".

¹⁴ См.: постановление от 28 января 2014 г. № 1 "О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних" // Бюллетень ВС РФ. 2014. № 1.

¹⁵ См.: Росс. газ. 2017. 24 мая.

Нетрудно заметить, что данные положения в полной мере отвечают требованиям ст. 51 СК РФ, согласно которой отец и мать, состоящие в браке между собой, записываются родителями ребенка в книге записей рождений по заявлению любого из них. Если родители не состоят в браке между собой, запись о матери ребенка производится по заявлению матери, а запись об отце ребенка — по совместному заявлению отца и матери ребенка, или по заявлению отца ребенка (п. 3 ст. 48 СК РФ), или отец записывается согласно решению суда (п. 2 ст. 51 СК РФ).

Содержание указанных положений Пленума Верховного Суда РФ¹⁶ свидетельствует о том, что судам следует руководствоваться единообразным подходом при решении вопроса об изменении личных данных ребенка (фамилии, отчества), являющихся элементами его права на имя, что позволяет обеспечить дополнительную гарантию для формирования индивидуального статуса ребенка. Установление происхождения ребенка влечет возникновение комплекса правовых последствий, основное из которых заключается в установлении правовой связи ребенка с его отцом, что, безусловно, направлено на стабилизацию правового положения ребенка, включая условия обеспечения его права на имя. В этой связи своевременное внесение сведений в актовую книгу записи актов гражданского состояния об изменении личных данных ребенка, безусловно, способствует определенности его статуса.

К числу сложных и трудноразрешимых вопросов на практике относятся споры, возникающие в связи с применением вспомогательных репродуктивных технологий. Несмотря на то что в Семейном кодексе РФ данному вопросу посвящены лишь две нормы (ст. 51, 52), тем не менее, в названном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 толкование указанных норм нашло свое отражение, что, безусловно, будет способствовать выработке единообразных подходов к решению таких вопросов на практике, закреплению гарантий, направленных на обеспечение правового статуса ребенка, родившегося при использовании репродуктивных технологий.

Так, согласно п. 30 Постановления лица, состоящие в браке и давшие свое согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, в случае рождения у них ребенка в результате применения этих методов записываются его родителями в книге записей рождений (абз. 1 п. 4 ст. 51

СК РФ). Вместе с тем судам следует иметь в виду, что согласно абз. 1 п. 3 ст. 52 СК РФ супруг, давший в порядке, установленном законом, согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, не вправе при оспаривании отцовства ссылаться на эти обстоятельства.

В целях правильного разрешения иска об оспаривании отцовства лицом, записанным в качестве отца ребенка, рожденного в результате применения названных методов, судам следует, в частности, проверить такие юридически значимые обстоятельства, как: имело ли место рождение ребенка в результате применения метода искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона; добровольно ли и осознанно было дано указанным лицом согласие на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона; на какой срок было дано такое согласие и не было ли оно отозвано до истечения этого срока; не истек ли данный срок на момент проведения искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона; давал ли истец согласие на использование при применении названных методов донорского биологического материала.

Следует отметить, что, как правило, споры на практике связаны с тем, что со стороны лиц, давших свое согласие на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, и суррогатной матерью оспаривается запись их в качестве родителей в книге записей рождений. Обусловлено это тем, что законодатель сохраняет приоритетное право на получение согласия за суррогатной матерью на запись таких лиц в качестве родителей ребенка. Так, согласно абз. 2 ч. 4 ст. 51 СК РФ лица, состоящие в браке между собой и давшие согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)¹⁷.

¹⁷ Следует отметить, что во многих государствах термин «суррогатная мать» считается некорректным, а договоры о суррогатном материнстве полностью запрещены (ст. 122 Закона штата Нью-Йорк по вопросам брака и семьи, ст. 722.855 штата Мичиган); в других штатах такие договоры разрешены, но они подлежат жесткой регламентации в части прав ребенка на предмет их соответствия его интересам (ст. 20–156 Свода законов штата Вирджиния) (см.: *Burnham W. Op. cit. P. 844*).

¹⁶ См.: Росс. газ. 2017. 24 мая.

Наличие в законе указанной нормы привело на практике к многочисленным злоупотреблениям, когда, ссылаясь на свое право, суррогатная мать не давала согласия на запись супружеской пары в качестве родителей ребенка. К числу важных разъяснений по данному вопросу относятся обстоятельства, которые должны быть установлены при толковании, изучении условий договора, заключенного суррогатной матерью и лицами, давшими согласие на имплантацию эмбриона этой женщине в целях вынашивания для них ребенка. Особое внимание должно быть уделено такому существенному условию договора, как его срок, точное определение которого позволяет установить момент получения или отзыва согласия суррогатной матери на запись лиц в качестве родителей, оценив истинные причины отзыва ее согласия. Учитывая то, что законодатель регламентирует данные отношения только в рамках отдельных положений (ст. 51, 52 СК РФ), значимость указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 трудно переоценить, поскольку перечисленные критерии, учитываемые при оценке текста содержания условий договора, позволят избежать злоупотреблений в этой сфере и тем самым обеспечить в первую очередь защиту прав и интересов ребенка. Обусловлено это тем, что с момента рождения ребенка суррогатной матерью его интересы практически не защищены, поскольку, как уже отмечалось, все нормы, направленные на регулирование данных отношений, ориентированы на обеспечение приоритетной защиты прежде всего суррогатной матери, а не ребенка. Представляется, что детальное регулирование условий договора позволит защитить в первую очередь интересы ребенка, стабильность правового статуса которого зависит в том числе и оттого, насколько своевременно была произведена запись лиц в качестве родителей ребенка, а значит, обеспечено его право жить и воспитываться в семье.

Практическая потребность в толковании условий договора обусловлена тем, что законодатель не определяет его правовую природу, хотя и называет стороны такого договора, описывает общие условия, составляющие его содержание (п. 9 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ)¹⁸. Считаю, что и определение предмета договора является затруднительным. При

условии применения сложившейся классификации сделок в гражданском законодательстве можно провести аналогию такого договора со сделками с отлагательным условием, поскольку стороны поставили возникновение прав и обязанностей в зависимость от обстоятельства, о котором заранее неизвестно, наступит оно или нет. По условиям договора стороны договариваются о том, что суррогатная мать выносит ребенка для лиц, давших согласие на имплантацию эмбриона такой женщине в целях его вынашивания, т.е. отношения рассчитаны на будущее время. Сторонам заранее неизвестно, родится ли ребенок, будет он здоров или нет и т. д. В любом случае для сторон договора существует определенный риск, который сохраняется в их отношениях вплоть до того момента, пока не родится ребенок и суррогатная мать не даст своего согласия на запись лиц в качестве родителей ребенка в книге записей актов гражданского состояния. В целях урегулирования таких отношений на практике, для того чтобы минимизировать риски для сторон, были разработаны и приняты положения названного Постановления Пленума Верховного Суда РФ, применение которых позволит избежать злоупотреблений со стороны лиц, являющихся сторонами данного договора.

По нашему мнению, тенденции развития современного законодательства в области защиты прав и интересов детей позволяют утверждать, что ребенок рассматривается законодателем как субъект, обладающий самостоятельным статусом, позволяющим ему занимать активную позицию в гражданском процессе, в частности в случае необходимости защиты его личных неимущественных прав. Обеспечение именно комплексной защиты прав и интересов ребенка, реализация принципа “наилучших интересов ребенка” в приоритетном порядке есть первоочередная задача при возникновении конфликта интересов по отношению к другим участникам гражданского процесса.

Полагаем, что в рамках гражданского процесса нужно обеспечить систему новых критериев, необходимых для принятия решений в пользу ребенка. На практике такой подход мог бы выражаться в том, что каждое судебное решение должно отвечать интересам конкретного ребенка и наполняться индивидуальным содержанием с учетом его личных качеств, потребностей, особенностей и правового статуса.

¹⁸ См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

CIVIL PROTECTION OF THE MORAL RIGHTS OF THE CHILD

© 2018 N. V. Letova

The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: letovanv@mail.ru

Received 26.01.2018

In this article the author discusses issues relating to the protection of the moral rights of the child, arising in the settlement of certain categories of cases involving, inter alia, in cases of adoption of a child, on the establishment of its origin and its etc.

The author suggests ways to solve the problem of determining the status of the child in cases of the named categories, criteria for assessing proposed content of the Court decision, issued in respect of a child with his interests and individual needs, as well as analyse recent trends in judicial practice in cases involving children.

Key words: protection, child, moral rights, adoption, the origin of the child.